25 СЕН 1981

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА —

С верой в разум

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛУ СИНЯ

В одной из статей Лу Синь в нескольких словах сформулировал свое писательское кредо: «Писать необходимо во имя жизни и для улучшения этой жизни».

Пусть не кажутся эти слова громкими. Они выражают глубокое убеждение Лу Синя в том, что писатель не может отгородиться от насущных проблем действительности, не может стоять над чаяниями и заботами своих соотечественников.

Лу Синю (именно этот, один из многочисленных литературных псевдонимов закрепился за Чжоу Шужэнем) пришлось быть очевидцем событий эпохального значения — в масштабе не только своей родины, но и всемирной истории — Великая Октябрьская социалистическая революция в России, Синьхайская революция, «Движение 4 мая» в Китае. Тяжело, болезненно, но неотвратимо откалывался от феодальной, от колониальной империи чуть ли не континент, и имя ему — Китай. Но не очевидцем, не наблюдателем, пусть и заинтересованным, был Лу Синь. Он буквально ринулся, окунулся в эту борьбу, в эту круговерть социальной ломки и не мыслил себе иного пути, иного общественного поведения. Активную роль художника Лу Синь видел не только в создании собственных произведений, но и в популяризации среди соотечественников произведений литературы и искусства, способных посеять семена революции, социального прогресса. Поиски книг, призывающих к борьбе, привели его к Восточной Европе. «Больше всего читал я писателей русских...», — вспоминал позже Лу Синь. Из его статьи под красноречивым названием «Приветствую литературные связи Китая и России» (1932 г.) видно, что обращение к литературе нашей страны было для Лу Синя закономерным: «Русская литература раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу».

Можно без преувеличения сказать, что Лу Синь был лидером движения за популяризацию в Китае русской и советской литературы. Став страстным почитателем Пушкина, Гоголя, Чехова, Горького, Фадеева, Фурманова, Шолохова и других русских и советских писателей, Лу Синь считал своим гражданским и профессиональным долгом приобщить к этому источнику знаний, борцовского духа и своих соотечественников. И он стал убежденным популяризатором литературы, культуры соседней Советской России — как публицист, как переводчик, как издатель, как организатор выставок. Лу Синь и сам брался за перо переводчика. В результате китайскому читателю стали доступны некоторые произведения Горького, Фадеева, Фурманова и ряда других русских и советских авторов.

В условиях националистического Китая, где часто можно было услышать бредовые измышления об «угрозе с Севера», популяризация Лу Синем произведений, несущих правду о Советской стране, о ее миролюбивой политике, приобретала особо важное значение.

Необычайно большой силой воздействия на китайского читателя обладали путевые заметки, воспоминания и очерки самих китайцев, побывавших в первом в мире социалистическом государстве. Им Лу Синь уделял особое внимание. При поддержке Лу Синя увидели свет книги «Впечатления о Москве» Ху Юйчжи и «Записки о виденном и слышанном в СССР» Линь Кэдо. Непредвзятое и доброжелательное описание советской действительности, советского образа жизни располагало к ним китайского читателя, подобные публикации снимали пелену с его глаз, открывали возможность посмотреть на нашу страну шире, чем позволяли шоры реакционной китайской пропаганды. «Давно уже обманывают нас империалисты и их прихвостни, — писал Лу Синь в одной из своих публицистических статей. — После Октябрьской революции они все кричали о том, что люди в СССР нищают, о том, какие там творятся злодеяния, как разрушают там культуру».

В одном из наиболее значительных своих произведений — повести «Подлинная история А-Q» Лу Синь подверг сатирическому осмеянию столь ненавистные ему людские пороки: невежество, беспочвенно высокую самооценку, доведенную до абсурда кротость, а точнее — рабскую покорность; удивительную «способность» рассматривать поражение как «моральную победу»... С такой психологией, и это прекрасно понимал великий писатель, невозможно было покончить с тяжелым наследием феодализма и колониализма, пусть даже свершилась Синьхайская революция, пусть китайские мужчины отрезали косы и пусть навсегда было покончено с императорским правлением в Поднебесной. Нужно было разбудить в людях национальное самосознание, заставить их самих уважать себя в первую очередь, чтобы потом уже заставить «верхние десять тысяч» увидеть в простом китайце не «козявку» — так уничижительно именует себя А-Q, — а Человека.

Вопросы национального и социального освобождения в понимании Лу Синя были органически взаимосвязаны. Они тесно соприкасались с вечными проблемами нашего столетия, приобретали вполне конкретное выражение. Политика канонерок, проводимая империалистическими державами в отношении Китая, с одной стороны, и междоусобная борьба между китайскими генералами и их ставленниками внутри Китая — с другой, усугубляли и без того кризисное положение в китайском обществе. Совсем не случайно из-под пера Лу Синя в 1934 году (время разгула внутренней реакции и преступлений японских милитаристов в Китае) выходит боевой памфлет под названием «Война войне». Герой этой политической сказки философ Мо-цзы — реальное историческое лицо, он жил около V века до нашей эры. Мо-цзы ратует за гармоничные отношения между людьми, что, разумеется, исключает всякую вражду и насилие. Своему бывшему ученику, изобретателю абордажных крючьев и таранов, Мо-цзы дает еще одно наставление. «В моем учении содержится и кое-что посильнее, — говорит он. — Я беру на абордаж любовью, тараню уважением. Без любви люди станут чуждаться друг друга; неуважение приведет их к обману, а затем и к полному разобщению. Пойми, продолжает философ, любовь и уважение необходимы каждому. Ты своими крючьями уведешь корабль в плен, но и твой корабль могут увести в плен. Ты станешь таранить чужой корабль, но и твой протаранят. И так абордажный крюк и таран приведут людей к взаимному уничтожению. Как видно, мои крючья и тараны, действующие во имя справедливости, сильнее твоих, созданных для войны». Вера в Разум Человека, в то, что он призван созидать, а не разрушать, что он создан для счастья, а не для страданий, характерная для мировоззрения Лу Синя, напрочь опровергает градом сыпавшиеся на него при жизни обвинения в «злопыхательстве», «критиканстве»...

Именно убеждение, что его соотечественники достойны лучшей доли, достойны счастья, заставляло писателя браться за перо, «высвечивать» самые темные уголки китайского общества, порочные методы правления китайских властей. В своих остропублицистических статьях Лу Синь отстаивает естественное стремление людей, особенно молодежи, к знаниям.

Судьбы молодежи, особенно творческой, всегда были близки Лу Синю. Он искренне негодовал, когда полиция разгоняла студенческую демонстрацию. Он клеймил власти старого Китая, которые в принудительном порядке высылали в сельскую местность студенчество. Он всячески поддерживал, вплоть до материальной помощи, талантливую молодежь и осуждал тех, кто ставил препоны на ее пути к литературно-художественной деятельности.

Перечитывая произведения Лу Синя и соотнося их с нашим днем, понимаешь: это не только выдающееся литературное наследие, но и актуальное, современное и своевременное слово, служащее, как и мечтал великий китайский писатель, людям и для улучшения этой жизни.

В. ГОДЫНА.